

Станислав Витальевич Хатунцев родился в 1967 году в Воронеже. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета. Кандидат исторических наук. Преподаватель кафедры истории России ВГУ. Публиковался в журналах «Политический класс», «Москва», «Наш современник», «Подъём», «Посев», альманахе «Воронежская беседа», газете «Завтра». Автор монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)», поэтического сборника «Факелы среди льдов». Живет в Воронеже.

Станислав Хатунцев

РУССКОЕ ИМЯ В ПАРАГВАЕ

Многие ли в России знают о генерале Иване Тимофеевиче Беляеве? Увы, нет. А вот в Парагвае это имя известно каждому.

И.Т. Беляев родился в 1875 году — через пять лет после того, как закончилась «Парагвайская война», оставившая от ранее процветавшей страны пустыню и превратившая ее из локомотива индустриализации целого континента в нищее захолустье. Парагвай потерял в ней около половины своей территории и большинство населения — прежде всего, мужского.

Беляев заинтересовался Парагваем еще в детстве, найдя старинную карту его столицы — города Асунсьона. Эта страна поразила его смелостью и мужеством своего народа, сражавшегося с захватчиками до последнего. Он стал изучать испанский язык, штудировал научные труды об индейцах, занимался географией и антропологией, был принят в Императорское Географическое общество и начал писать работы по этнографии.

Уже в 1906 году после внезапной кончины молодой жены у Беляева родилась мысль уехать в Парагвай военным инструктором. Однако идея служения родине удержала его в России.

В 1913-м он составил Устав горной артиллерии, горных батарей и горно-артиллерийских групп. Это был важный вклад в развитие военного дела в нашей стране.

Во время Первой мировой Иван Тимофеевич воевал на Кавказе, в Карпатах, участвовал в Брусилевском прорыве. Он стал Георгиевским кавалером, получил чин генерал-майора, командовал батареей, отдельным артиллерийским дивизионом, затем — артиллерийской бригадой.

В Гражданскую Беляев занимался артиллерией в Добровольческой армии — на дивизионном и корпусном уровне, налаживал работу по выпуску оружия для фронта на Харьковском паровозостроительном заводе, затем служил инспектором артиллерии с полной свободой действий в управлении всем артиллерийским хозяйством армии. После отступления белых Иван Тимофеевич эвакуировался из Новороссийска в Крым, а оттуда вместе с врангелевской армией — в Константинополь.

За этим последовало «Галлиполийское сидение» — нахождение в русском военном лагере на северном побережье пролива Дарданеллы. Потом, с 1923-го, были Болгария и Париж.

Закономерен был вопрос: что делать дальше, как жить? Вот тут-то и помогли детские еще увлечение индейцами, пристальный интерес к Парагваю, превосходное знание испанского языка, а также научные познания в этнографии и антропологии.

Вместе с тем, нахождение в эмиграции породило у Беляева идею создать за пределами советской России русский национальный очаг, «Русский ковчег», духовное пристанище для сотен тысяч изгнанников с родной земли, где обычаи, религия и вековая культура могли бы сохраниться «до лучших времен». В Старом свете, в Европе, это было невозможно, тут нужен был Новый свет.

Он отправляется в Южную Америку: сначала в Буэнос-Айрес, а в следующем году — в Асунсьон.

Здесь постепенно назревала война Парагвая с соседней Боливией за обширную малонаселенную область Гран-Чако. Некоторые районы этой области к тому времени захватили южноамериканские гиганты — Аргентина с Бразилией, но большая ее часть, Чако-Бореаль (Северное Чако), являлась предметом спора между Парагваем и Боливией.

Последняя тоже пережила национальную катастрофу, но она была намного более «скромной», чем парагвайская. В 1884 году после 2-й Тихоокеанской войны Боливия лишилась выхода к морю и обширных прибрежных территорий, став еще одной полностью «сухопутной» страной Южной Америки, каковой изначально был Парагвай.

Спор между этими континентальными «несчастливцами» за Чако-Бореаль был вялотекущим. Не только освоение, но даже

изучение данной области требовало огромных средств и усилий, однако и Боливия, и уж тем более Парагвай были очень бедными государствами даже по местным меркам. У них и без того хватало проблем.

Однако к началу XX века Боливия стала богаче на вывозе олова, меди, сурьмы, вольфрама, висмута и природного каучука. Постепенно у страны стали появляться внешнеполитические амбиции. И направиться они могли лишь в сторону Парагвая, с которым как раз имелся давний территориальный спор за Чако.

При этом Боливия превосходила своего юго-восточного соседа не только по экономическим и финансовым показателям, но и по численности населения — причем в 3,5 раза.

Между тем Беляев начинает работу по организации русских колоний в Парагвае. Его интерес вызывают как раз огромные неиспользуемые земли в Чако, способные вместить тысячи русских поселенцев и помочь воплотить в жизнь идею «патриотической эмиграции». Через белградскую газету «Новое время» он направляет призыв ко всем, кто хочет жить там, где может считаться русским, создать национальный очаг.

Властью в Асунсьоне на фоне спора с Боливией это было как нельзя на руку. 29 июня 1924 года военный министр Парагвая передал согласие президента Аяялы на создание в этой стране русского «культурного ядра». Беляеву было поручено организовать приезд в страну специалистов — инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов и т.д. для «содействия восстановлению экономики Парагвая».

На призыв генерала в числе прочих откликнулись инженеры Шмагайлов, Пятицкий, Серебряков, Снарский, Яковлев, Воробьев, путеец Абраменко, конструктор Маковецкий, геодезист Аверьянов.

В октябре 1924 года военный министр Парагвая Луис Риарт вызвал к себе Беляева и поручил ему организовать экспедицию в Чако-Бореаль. Там нужно было найти наиболее удобные места для расположения гарнизонов и определить места для создания будущих долговременных оборонительных сооружений, наблюдательных пунктов, коммуникаций и т.д. Также необходимо было подготовить генеральную карту района.

Беляев понимал, что выполнить это задание можно только вступив в тесный контакт

с индейцами. В отношении них Риарт дал особые поручения.

Спорная область Чако и в XX веке оставалась малоисследованной. Ученых отпугивали слухи о свирепых племенах, которые там обитали, и они ограничивались изучением районов, прилегающих к берегам рек. Экспедиции, пытавшиеся исследовать этот край, в 1880-е годы постигла трагическая судьба, что создало о нем очень дурную славу.

Поэтому Иван Беляев во многом стал первопроходцем в изучении этой части южноамериканского континента. Всего он совершил в Чако-Бореаль 13 экспедиций. Первая состоялась в октябре-декабре 1924 года, последняя — в августе 1931-го. Каждая длилась от двух недель до нескольких месяцев. Самая крупная продолжалась полгода. Составлялись подробные карты, делалось описание местности — с военной и с гражданской позиций, — велись дневниковые записи. Крайне важным было нахождение взаимопонимания с племенами, которые населяли Чако.

В составе экспедиций кроме военнослужащих Парагвая и индейцев-проводников были и русские, успевшие к тому времени осесть в стране: братья Оранжевые, капитан инженерных войск Орефьев-Серебряков, сын известного русского полярика, участника первых рейсов ледокола «Ермак» Георгия Экштейна Александр фон Экштейн-Дмитриев.

Беляев и его спутники нанесли на карту обширные участки неисследованных территорий, вошли в контакт с племенами, не знавшими современной цивилизации, и разоблачили зловещие легенды об аборигенах.

Территория Чако-Бореаль была открыта для науки и всего мира. На I Конгрессе Панамериканского института географии и истории, который состоялся в декабре 1932 года, парагвайский делегат Рамос Хименес обосновал право его страны на эту область целиком, основываясь на географических открытиях, совершенных под руководством «отважного ученого, которому Парагвай обязан». Делегаты отметили заслуги Беляева как картографа, биолога и климатолога, который впервые составил целостное описание этого региона. Особо были отмечены этнографические находки Беляева.

Индейцы, с которыми он вступил в контакт в ходе экспедиций, считали его своим другом. Они проделывали долгий путь, чтобы встретит-

ся с ним. Дружба Ивана Беляева с местными помогла Парагваю остановить проникновение в Чако-Бореаль боливийцев. И очень для Асунсьона вовремя, поскольку давний конфликт стал обостряться. Этому способствовало открытие в западной части спорного региона запасов нефти, которую стала разрабатывать американская «Стандарт Ойл». Она поддерживала Боливию, тогда как голландско-британская «Ройял Датч Шелл» — Парагвай.

В конце 1928 года начались вооруженные столкновения между подразделениями парагвайской и боливийской армий. Усилиями Панамериканского союза осенью следующего года боевые действия прекратились, однако обе стороны начали активно готовиться к их продолжению.

Боливию стала закупать в Европе и США новейшие по тем временам образцы вооружений и боевой техники. Прежде всего, эта страна обзавелась неплохими и значительными по местным меркам военно-воздушными силами. Кроме того, боливийская армия получила английские легкие танки, пулеметные танкетки, станковые и ручные пулеметы, французские гаубицы, горные орудия, немецкие пистолеты-пулеметы, швейцарские зенитные автоматы, огромное количество боеприпасов.

Нищий Парагвай с горсткой босых солдат позволить себе такого не мог. Но и он принялся создавать военную авиацию, а для наземных сил приобретал наиболее дешевые и надежные образцы вооружений — при этом очень удачно. Парагвай закупил большое количество датских ручных пулеметов, американские станковые пулеметы и «артиллерию для бедных» — 81-миллиметровые минометы Стокса-Брандта, стоявшие в 3 раза меньше полевого орудия. Кроме того, они могли переноситься в разобранном виде на руках и спинах солдат, а их навесной огонь показал намного большую эффективность, чем стрельба ствольной артиллерии. Снабжать и обслуживать минометы также было намного проще. Поэтому в условиях джунглей и бездорожья они оказались буквально незаменимы.

«Строительством» боливийской армии традиционно занимались немецкие офицеры. Так, прибывший в эту страну в качестве главы германской военной миссии майор Ганс Кундт, отличавшийся особенной, удивительной даже

для немца пунктуальностью и пристрастием к жесткой дисциплине, еще в 1911 году начал реорганизацию боливийской армии по прусской модели. С началом Первой мировой он вернулся домой и воевал на Восточном фронте, то есть против русских. Кундт служил в штабе знаменитого генерала Макензена, командовал полком и бригадой. В 1920-м он снова отправился в Боливию — теперь уже генерал-майором. Там Кундт стал начальником штаба армии и министром обороны, возглавил программу перевооружения Боливии.

Помимо него в эту страну отправилось множество других военных из Германии: потерпев поражение в Мировой войне, она была вынуждена сильно сократить свою армию, почти обнулить ее, и множество офицеров осталось не у дел.

Всего на боливийской службе находилось 120 немецких военспецов. В 1929–30 гг. в их число входил даже Эрнст Рем — предводитель «Штурмовых отрядов» нацистской партии, известный своей задиристостью и гомосексуальными наклонностями. Другой нацист — Ахим фон Крис — заведовал в Боливии бронетехникой.

Кроме того, южноамериканская республика пригласила чешских военных советников и наемников-чилийцев. Чилийская сухопутная армия также основывалась на германских традициях, а чешская — отталкивалась от австрийско-имперского, по большому счету — тоже немецкого, наследства в военной области.

Тем временем обе конфликтующие стороны организовывали на спорной территории опорные пункты, состоявшие из кучки глинобитных строений. Их называли «фортины».

Один из них, фортин Карлос, находившийся у озера Питиантута — исключительно ценного источника питьевой воды для страдающих от ее отсутствия земель Чако-Бореаль, открытого одной из экспедиций генерала Беляева, — 15 июня 1932 года был атакован и взят боливийцами. Через месяц с небольшим парагвайцы его отбили. В ответ боливийская армия заняла 3 новых парагвайских фортина, в том числе ставший впоследствии знаменитым фортин Бокерон.

Так началась большая Чакская война.

И если на стороне Боливии в ней, как говорилось выше, выступили немецкие офицеры и другие представители германской воен-

ной школы, то за Парагвай сражалась русская школа — белые офицеры-эмигранты. Именно они во многих отношениях создали армию этой южноамериканской республики.

У немцев имелся опыт Первой мировой войны — в основном, войны позиционной, окопной, а русские помимо такового принесли опыт войны Гражданской, маневренной, когда сравнительно малыми силами приходилось действовать на огромных пространствах в условиях недостатка ресурсов и различных коммуникаций. Такая война зачастую была гораздо больше похожа на развернувшуюся в Южной Америке Чакскую, чем Первая мировая.

Русские знали своих визави по той, Великой, войне, они их очень неплохо «вычислили». Немцы же противника недооценили и не «просчитали», полагаясь на легкий успех в связи с огромным превосходством в силах и средствах. И просчитались.

Русские офицеры, начиная с Беляева, преподавали в парагвайских военно-учебных заведениях, были опытнейшими инструкторами пулеметного дела, знающими свое дело артиллеристами и артиллерийскими техниками, которые наладили работу в единственном в стране Асунсьонском арсенале, — особенно в его отделе взрывчатых веществ, в лаборатории и в починочных мастерских, где они не только чинили орудия, винтовки и пулеметы, но и организовали производство авиабомб, ручных гранат и т.д.

Русские моряки передали свой опыт личному составу парагвайских речных канонерок, сыгравших в Чакской войне огромную роль; русские врачи и ветеринары вывели на должный уровень медицинскую и ветеринарную службу в армии; русские топографы и офицеры Генерального штаба значительно продвинули дело снабжения войск картами и планами; русские инженеры вместе с теми же офицерами Генштаба научили парагвайцев фортификации и дорожному строительству.

В сущности, не было ни одной области военного дела, в которой не отличились бы русские эмигранты в Парагвае.

Из всех эмигрантов только русские немедленно после начала войны предложили свои услуги правительству Парагвая, причем не только в качестве тыловых специалистов разного вида, но и непосредственно как воины на поле боя.

Белые в звании дивизионного генерала пребывал на «важнейших участках фронта», как знаток региона привлекался к разработке боевых операций и прежде всего занимался артиллерией. В апреле 1933 года он стал начальником Генерального штаба парагвайской армии.

Имевший то же звание Н.Ф. Эрн в качестве полевого инженера укреплял различные оборонительные позиции.

Капитан русской армии, майор парагвайской службы И. Оранжеев, сотрудник Беляева, был начштаба 4-й дивизии.

ПВО Парагвая с нуля создал капитан С. Щетинин, и она успешно уничтожала вражеские самолеты.

Другие русские также играли важную роль в парагвайской армии. Так, был период, когда четвертую часть командиров полков и отдельных батальонов составляли русские офицеры — 7 из 28. Командовали они также ротами, батареями, эскадронами и иными военными единицами.

При этом сами парагвайцы всеми силами стремились попасть в подразделения, у которых были русские командиры.

В рядах парагвайской армии оказалось около 80 русских офицеров. Всего же за Парагвай сражалось порядка 3000 русских добровольцев, которые приехали в эту экзотическую страну.

Непосредственно на поле боя русские военные специалисты сыграли важную роль уже в возвращении вышеупомянутого Бокерона.

Но особенно отличились они в битве за форт Нанавя с 10 января по 14 июля 1933 года.

Еще в начале 1925-го Беляев предсказал, что в случае начала войны противник нанесет решающий удар именно там. Он превосходно картографировал данный район, тщательно изучил его топографию с точки зрения военного дела. По его совету парагвайцы воздвигли там новые укрепления и усилили гарнизон Нанавы.

А с началом боевых действий Беляев и Эрн заранее окружили Нанаву колючей проволокой, минными полями, отрыли и оборудовали окопы, возвели доты с пулеметами, создали ложные артиллерийские позиции, оснащенные в качестве «орудий» стволами пальм и крепчайшего дерева квебрахо — убийцы железных топоров, — насытили оборону минометами.

И именно сюда направил главные силы генерал Кундт — сразу же после того, как в декабре 1932 года стал главнокомандующим боливийской армией. Он и его начальник Генштаба генерал фон Клюг задумали южноамериканский «блицкриг».

Немцы имели богатый опыт штурма сильно укрепленных позиций, полученный в Мировой войне, но прорвать линию обороны парагвайцев руководимые ими войска так и не сумели. Ни передовая авиация, ни артиллерия, ни даже танки и огнеметы не помогли. После нескончаемых массированных атак боливийские полки захлебнулись кровью. «Блицкриг» в джунглях не удался.

До конца года на фронтах наступило относительное затишье, Кундт же отправился в отставку. Но боливийскую армию это не спасло. Парагвайские военачальники и русские «военспецы» начали наступление. В декабре у Кампо-Виа генерал Эстигаррибиа окружил и уничтожил две боливийские дивизии.

После этого парагвайцы, несмотря на численное и техническое превосходство противника, стремительно двинулись на северо-запад.

Ранее, заняв Чако-Бореаль, боливийцы получили огромные проблемы. Им, жителям гор, в отличие от парагвайцев категорически не подходил климат и местные условия в целом. Их коммуникации оказались чрезвычайно растянуты — при том, что дорог в Чако не было — только сомнительные, труднопроходимые «направления». Это усугублялось действиями диверсионных групп противника и местного населения: жившие в спорной области индейцы-гуарани в значительной степени ощущали себя парагвайцами.

Успешной партизанской войне крайне поспособствовали экспедиции Беляева, их успехи в деле картографирования земель, оставшихся для боливийских военных «terra incognita», и работа русского генерала с аборигенами, направленная на культивацию и укрепление у них парагвайской национально-государственной идентичности. Поэтому чакские гуарани широко участвовали в партизанском движении, наносившем огромный вред оккупационным боливийским войскам.

Их солдаты и офицеры нуждались во всем, от боеприпасов до питьевой воды, и просто-напросто голодали.

В течение 1934 года парагвайская армия заняла большую часть спорной области и достигла пределов собственно Боливии. Войска последней 10 — 16 ноября были разгромлены у форта Эль-Кармен. При этом немецкие офицеры бежали с поля боя, бросив своих подчиненных.

К 1935 году та боливийская армия, которая вторглась в Чако-Бореаль, практически перестала существовать. Ее уделом стали плен или гибель. Парагвайцы же за время войны помимо контроля за территориями получили огромные трофеи в виде большого количества грузовых автомобилей, а также артиллерийских систем, бронетехники и т.д.

В конце мая они блокировали боливийский Вилья-Монтес, центр нефтеносного района. Обороной города руководил чехословацкий генерал Плачек.

Обе стороны в это время были уже предельно истощены и едва ли могли продолжать активные боевые действия, однако парагвайцы при этом целей своей борьбы фактически достигли.

Разбитые в войне боливийцы в поисках мира обратились в Лигу Наций. 11 июня при ее посредничестве было подписано соглашение о прекращении огня.

Мирный же договор стороны заключили в июле 1938 года в Буэнос-Айресе. По его условиям 3/4 территории Чако-Бореаль закреплялось за Парагваем. Боливия получила остальное с узким выходом к реке Парагвай.

Казалось бы, наступило время, когда генерал Беляев может воплотить свою мечту о «Русском ковчеге».

Однако правительство и без того бедной, да еще и разоренной жестокой войной страны зачастую не могло оказать русским беженцам, оседающим на девственных территориях с экстремальными природными условиями, даже минимальной поддержки. Поэтому нередко после того, как переселенцы усваивали азы жизни в Южной Америке, они переезжали в соседние Аргентину, Уругвай и Бразилию.

Кроме того, существенно изменилась обстановка в Европе. В связи с приходом к власти в Германии партии Гитлера запахло «крестовым походом» на Восток. При этом парижской эмигрантской верхушке создание «Русского ковчега» в Парагвае предстало

как «подрыв тех мощных организаций, которым суждено с помощью Германии разгромить большевистскую Россию». Ее стараниями дело «патриотического исхода» в Парагвай было свернуто.

Сам Беляев (так же, как и испытавший нацистский режим на себе философ И.А. Ильин) потенциальным «спасителем России от большевизма» Гитлера не считал, полагая, что надежды немалого числа эмигрантов на фюрера — обман и недомыслие. В Великой Отечественной генерал поддерживал СССР, собирая деньги на помощь фронту.

И если создать в Парагвае «Русский очаг» ему в полной мере не удалось, то в положительном решении «индейского вопроса» он преуспел существенно больше.

Генерал стал директором Национального патроната по делам индейцев и издал «Декларацию прав индейцев», в которой выдвинул идею законодательно закрепить за аборигенами Чако землю их предков. По его мнению, индейцы ничего не делают по принуждению и должны сами быть двигателем собственного прогресса. Для этого нужно предоставить им полную автономию и вместе с ликвидацией неграмотности постепенно внедрять в их сознание основы современной культурной жизни, права и т.п. Не следовало разрушать собственную культуру аборигенов, так как это только оттолкнуло бы их от мира и культуры «белого человека».

Со временем парагвайское правительство создало индейскую колонию-школу икрепило за оседлыми аборигенами Чако земельную собственность, а Беляева назначило Генеральным администратором индейских колоний.

Для аборигенов он стал непререкаемым авторитетом, пользовался их любовью и уважением. Дом Беляева в Асунсьоне всегда был полон индейцев, приходивших к нему из самых удаленных и диких уголков Парагвая.

Умер генерал в январе 1957 года. На 3 дня страна погрузилась в траур. Отпевали Беляева в Колонном зале Генерального штаба как национального героя. У гроба его стояли первые лица государства, а за катафалком следовали толпы индейцев.

Тело генерала было погребено Советом старейшин гуарани на территории индейских поселений.